LES AVANTAGES DE LA DERNIÈRE GUERRE.

par *M. Dragomanov.*

ДО ЧЕГО ДОВОЕВАЛИСЬ?

М. ДРАГОМАНОВА

ЖЕНЕВА
GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1878

38
ПР
Пров 49

ПЕЧАТАЕТСЯ:

«Громада», выпускъ IV.

ПРИГОТОВЛЕНО КЪ ПЕЧАТИ:

«Славјанська Громада»: вип. I Переднье слово; вип. II Историческая Польша и демократія; вип. III Житьтьа сербського народу з початку аж до наших часів.

Общество пособія политическимъ изгнанникамъ изъ Россіи существуетъ въ Женевѣ съ 1877 г. Отчеты печатаются въ «Громадѣ», «Общинѣ» и отдѣльно. Взносы принимаютъ члены комитета, а также редакціи «Громады» (Rue des Tranchées de Rive 24. Michel Dragomanov) и «Общины».

Члены комитета:

М. Драгомановъ.
А. Ляхоцкій.
Н. Штейнбергъ.
Кассиръ: *В. Черкезовъ.*

ДО ЧЕГО

ДОВОЕВАЛИСЬ?

Пророкомъ быть трудно, а въ отечествѣ, говорятъ, совсѣмъ невозможно. Но угадчикомъ быть, право, совсѣмъ не такъ трудно, даже въ явленіяхъ политической жизни, не смотря на слабое еще развитіе общественныхъ наукъ. Не трудно это особенно въ Россіи, конечно, главнымъ образомъ благодаря первобытности и простотѣ всѣхъ ея политическихъ вопросовъ. Чтобы предсказывать ходы и исходы какого хотите политическаго положенія въ Россіи, вовсе не надо особой мудрости или ученост[illegible] Надо только не быть отъ природы холопом[illegible] или барышникомъ, какъ наши столичные

газетчики, знать въ самомъ общемъ очеркѣ исторію Россіи и не затуманивать себя умышленно разными «дымами отечества» и фразами въ родѣ тѣхъ, какими затуманиваютъ себя и другихъ, напр, послѣдніе могикане и прихвостни московскаго славянофильства

Люди, которые обладали нѣкоторымъ запасомъ такихъ далеко не божескихъ и болѣе даже отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ, добродѣтелей, могли смѣло предсказать всѣ ходы и исходы дѣяній россійской имперіи въ послѣднемъ періодѣ такъ называемаго восточнаго вопроса, отъ герцоговинскаго возстанія 1875 г. до берлинскаго договора 1878 г.

Намъ самимъ довелось четыре раза являться печатно съ предсказаніями, которыя, къ нашему сожалѣнію, всѣ исполнились. Такъ еще во «внутренней» печати въ 1875 и 1876 гг., видя растущую неизбѣжность взрыва въ югозападномъ славянствѣ, мы старались высказать въ самой мягкой формѣ мысль, что нечистыя руки московско-петербургской имперіи не могутъ выполнить задачи даже внѣшняго освобожденія хотя бы под-турецкихъ славянъ. (*Кіевскій*

224952

Телеграфъ 1875, № 69 «Надежды и разочарованія въ западномъ славянствѣ.» *Молва*, 1876 г., № 41. С.Петербургъ «Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ»). Въ концѣ 1876 г., когда Россія уже неизбѣжно затягивалась въ войну, мы писали:

«Только политическая свобода: всенародное земское представительство, съ контролемъ надъ дѣйствіями исполнительной власти, съ неприкосновенной свободой лица, слова, сходокъ, обществъ — можетъ обезпечить хоть сколько нибудь согласіе дѣятельности правительства съ національными интересами и общественнымъ мнѣніемъ, своевременность проявленія этой дѣятельности, не ждущей, чтобы турки вырѣзали десятки и сотни тысячъ братьевъ нашихъ прежде, чѣмъ мы надумаемся помочь имъ; — а также только политическая свобода можетъ хоть сколько нибудь охранить нашего солдата отъ тѣхъ злоупотребленій и хищничества, которыя были причиною неудачи восточной войны 1854—56 гг. Уже въ маломъ видѣ, въ дѣлѣ помощи сербамъ, мы могли поучиться тому, что за люди успѣли всплыть на верхъ штабнаго и гошпитальнаго завѣдыванія

дѣлами, и какъ начали уплывать деньги, корпія, одѣяла. Посмотримъ что будетъ, когда настанетъ война; — не «станетъ ли опять богъ на Араратѣ смотрѣть, какъ крадутъ въ Комиссаріатѣ,» не придется ли опять сочинять пѣсенки въ родѣ: «А какъ третьяго числа насъ нелегкая несла» — и кончать ихъ опять крѣпкимъ словцомъ тѣмъ,—«*кто туда водилъ*!»

«Говорятъ,—теперь такъ не будетъ. Дай богъ; — но это будетъ счастье: вѣдь одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія, *а нашъ политическій строй и теперь совершенно таковъ же, какъ и до паденія Севастополя.*» (Турки внутренніе внѣшніе. Женева. 1876, стр. 8).

Въ серединѣ 1878 г., между *второй и третьей Плевной* мы писали:

«Одно вѣроятно, что съ надеждами на скорое и радикальное рѣшеніе восточнаго вопроса разъ на всегда, на какое могла бы быть вѣроятность, если бы въ прошломъ году русское общество сначала отмѣнило въ Россіи господство турокъ внутреннихъ, а потомъ уже принялось за турокъ внѣшнихъ, — придется на этотъ разъ

проститься! (Внутреннее рабство и война за освобожденіе. Женева 1877, стр. 26).

Теперь послѣ всего, что предшествовало войнѣ, послѣ того, что дѣлалось на войнѣ съ солдатами и погонцами, послѣ С.Стефанской черновой и Берлинской бѣловой бумаги мы вправѣ сказать, что, къ сожалѣнію, мы не ошибались.

О томъ, почему все должно было произойти *такъ*, «ко стыду» все то, что, думалось, пойдетъ «ко славѣ,» мы говорили въ прежде напечатанныхъ статьяхъ, ссылаясь на исторію московской и петербургской туреччины. Къ сказанному нами остается прибавить не много и то больше напомнить, какъ крупнѣйшіе факты послѣдней войны доказываютъ наглядно, что воронъ ворону глазъ не выклюетъ, а особенно не освободитъ ципленка.

Что война началась поздно, по меньшей мѣрѣ на годъ позже, чѣмъ слѣдовало, — это теперь всѣ сознали въ Россіи. Не ужели же не ясно и то, что государство, которое у себя дома медлитъ самими первоначальными мѣрами къ облегченію крестьянства, въ родѣ устраненія подушнаго, мучитъ соціалистовъ, уральскихъ козаковъ, чигирин-

скихъ крестьянъ, — хлопочетъ объ *обрусеніи окраинъ* и т. п., — не можетъ горячиться по поводу «аграрныхъ и податныхъ реформъ» на Балканскомъ полуостровѣ или проводить тамъ «политику автономіи національностей?» Не очевидно ли, что членъ Dreikaiserbund'a, союза трехъ императоровъ, (всѣ три — нѣмцы!) не можетъ же не сочувствовать больше своему австрійскому кузену, чѣмъ не то уже сербскимъ мужикамъ, но даже ихнимъ полу-мужицкимъ князькамъ, не смотря на все ихъ послушаніе? Вѣдь нужно быть послѣднею тупицею, чтобъ, какъ г. Иванъ Аксаковъ, надѣяться, что царь не утвердитъ Берлинскаго трактата, послѣ того, какъ этотъ царь назвалъ, въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ, идею о полной государственной независимости румуновъ, сербовъ и болгаръ глупостію. Наконецъ было бы чудомъ, если бы государство съ обобраннымъ до голоданія народомъ, съ народомъ, котораго умышленно не хотѣли учить даже грамотѣ, государство, въ которомъ естественнымъ подборомъ только неучи, бездарности и плуты допускаются «до степеней извѣстныхъ» и правятъ тамъ подъ крылышкомъ

святости царской семьи всѣми дѣлами безъ суда и контроля публичнаго, — было бы чудомъ, если бъ такое государство могло вести короткія и удачныя войны и не струсило бы коалиціи другихъ государствъ.

А если это такъ, то страшныя утраты во время веденія войны и жалкіе ея результаты должны быть совершенно естественны.

Обязательно и добровольно холопская печать въ Россіи мало говоритъ о томъ, чего стоила послѣдняя война, а за то величается «безпримѣрнымъ зимнимъ походомъ черезъ Балканы.» Да, — походъ безпримѣрный, — но между прочимъ по безпримѣрной жестокости тѣхъ, кто въ это время долженъ былъ облегчать участь солдатъ! Самая возможность подобнаго похода естественно наводитъ на мысль, что страшное напряженіе силъ солдатскихъ и страшная гибель людей въ походѣ и послѣ него были бы избѣгнуты, если бы наши государственные люди и военачальники не сунулись за Дунай такъ на обумъ еще лѣтомъ и не прозѣвали такъ постыдно Плевны. Тогда бы походъ черезъ Балканы совершился лѣтомъ, и

не было бы безпримѣрнаго истребленія нашихъ солдатъ. Тогда, быть можетъ, не дошло бы хотъ до такой степени и примѣрное воровство интенданства, которое три мѣсяца оставляло солдатъ почти безъ всякаго фуража, — если уже въ Россіи совсѣмъ невозможно обойтись безъ воровства при всякомъ публичномъ дѣлѣ.

Такой походъ, каковъ былъ зимній переходъ черезъ Балканы, не могъ не ослабить армію въ такой степени, что сдѣлалъ ее неспособною довершить дѣло занятіемъ Галиполи и Константинополя. Неспособность же начальниковъ и дипломатіи довершила дѣйствіе прежнихъ ошибокъ и слабости арміи и создала то двусмысленное положеніе, въ какомъ русская армія находится и до сихъ поръ, при которомъ большая часть результатовъ войны стала спорною и непрочною. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что вообще положеніе арміи, которая двигается отъ Дуная на Константинополь, не можетъ быть прочнымъ, если она ведетъ только войну,— а не войну и революцію вмѣстѣ. Какъ армія,—она всегда можетъ быть угрожаема съ тылу арміей Австріи, одной, или

вмѣстѣ съ румынской. Походъ на Константинополь есть въ сущности революція,— а потому, чтобы быть успѣшнымъ, онъ долженъ сопровождаться открытою революціею народа румынскаго, болгарскаго, сербскаго, греческаго, албанскаго,— да еще такою революціею, которая бы нашла себѣ сочувствіе, если не параллельную революцію, среди народовъ въ Австріи.

Но гдѣ жъ таки русскому правительству идти объ руку съ революціею? Оно поступило совсѣмъ иначе. При самомъ началѣ оно отказалось отъ всякой поддержки балканскихъ народовъ: предало сербовъ, оттолкнуло румынъ и грековъ, бросило слова презрѣнія болгарамъ! Мы де сами все дѣло справимъ! А какое дѣло?! Читавшіе манифестъ, изданный при вступленіи русскихъ войскъ въ Болгарію, не могли въ толкъ взять, за чѣмъ это ведется война, если не для перемѣны турецкихъ губернаторовъ! Дальше, сосредоточивъ всѣ свои заботы на самомъ пассивномъ изъ всѣхъ балканскихъ народовъ, болгарахъ, — очевидно въ надеждѣ, что они окажутся самыми послушными,— петербургскіе и московскіе правители и

военачальники принялись бранить и этихъ болгаръ и—первое дѣло — озаботились устроить надзоръ «за революціонными стремленіями Молодой Болгаріи,» т. е. завели въ Болгаріи прежде всего III Отдѣленіе! Всѣ же порядки осталось какъ и при турецкихъ пашахъ, и сами московскіе славянофилы съ своимъ помпадуромъ, кн. Черкасскимъ, не поминали даже и пресловутыхъ Положеній 19 февраля и никакихъ аграрныхъ вопросовъ.

Такъ, сякъ,—а русскія войска заняли почти всю землю болгарскую. Но никто не только не позаботился объ организаціи болгаръ такимъ образомъ, чтобы они могли сами составить силу, которая могла бы поддержать армію, но даже не позаботились о созваніи болгарскихъ представителей,— на мнѣніе которыхъ можно бы было указать во время споровъ съ европейскими дипломатами объ участи этихъ странъ. Славянофилъ и земецъ кн. Черкасскій не позволялъ даже болгарамъ издавать газету, въ которой бы могло быть опровергаемо то, что говорили о Болгаріи и болгарахъ фанаріотскіе органы!

Мудрено ли, что послѣ всего этого во

всемъ мірѣ стала смѣшна фраза, что русская армія является освободительницею даже болгаръ, а не то уже всѣхъ народовъ Европейской Турціи? Удивительно ли, что чадомъ этого невѣроятнаго положенія вышло такое издѣліе, какъ С.Стефанскій договоръ, нелѣпости котораго могли быть превзойдены только Берлинскимъ трактатомъ?

Когда какое нибудь государство съ страшными усиліями оканчиваетъ побѣдами войну съ «наслѣдственнымъ врагомъ,» да еще съ «утѣснителемъ родственныхъ ему народовъ,» освобожденіе которыхъ «составляетъ-де его вѣковое предназначеніе,»— тогда и народы этого государства, и освобожденные народы, и весь міръ наконецъ вправѣ отъ него ждать чего нибудь радикальнаго, чего нибудь такого, послѣ котораго не было бы уже надобности опять поднимать страшныя тяжести войны. По здравому разуму передъ нашими побѣдителями было только три логическихъ дороги:

захвативъ Константинополь и Галиполи, —или распорядиться съ Балканскимъ полуостровомъ, какъ сами бы захотѣли,

или обратиться къ освобожденнымъ отъ турецкаго ига народамъ и, созвавъ изъ нихъ учредительное собраніе, предоставить имъ, при своемъ посредничествѣ, самимъ раздѣлъ Турціи и устройство страны,

или же, наконецъ, если уже петербургскій дворъ одержимъ такою охотою вершить дѣла, добытыя цѣною крови нашихъ солдатъ,—не иначе, какъ съ согласія съ кабинетами европейскихъ державъ,—объявить имъ о концѣ турецкой власти въ Европѣ и пригласить ихъ на конгрессъ, который бы, исходя изъ этого неотмѣннаго принципа, придумалъ подробности устройства для Балканскаго полуострова. (Послѣдняго ожидали отъ петербургскаго кабинета даже берлинскія оффиціальныя газеты).

Очевидно, что первая дорога была всего труднѣе и мало желательна и для Россіи, и для балканцевъ. Оставалась вторая или третья.

Но петербургско-московская дипломатія придумала нѣчто свое, и при томъ, надо сознаться, дѣйствительно въ своемъ вкусѣ, т. е. во вкусѣ достойныхъ наслѣдниковъ

московскихъ приказныхъ и петербургскихъ канцелярістовъ. С. Стефанскій договоръ — это порожденіе московскаго «умника,» ген. Игнатьева, — это нѣчто лишенное всякой широкой идейной подкладки, всякаго синтеза, нѣчто и загребистое, и уступчивое, — и дерзкое, и низкопоклонное, — и блудливое, и трусливое, — совершенно московское произведеніе, отъ котораго можно ждать всего, кромѣ логики.

Изъ всѣхъ народовъ подтурецкихъ С. Стефанскій договоръ всего больше даетъ болгарамъ, очевидно потому, что они даютъ всего больше надежды на то, что ими дольше всего можетъ руководить московская лапа. Менѣе покорные, — греки и даже сербы — проданы. Турція разрѣзана до смѣшного, а въ тоже время ей оставлено слишкомъ много,—конечно для того, чтобы показать ей, что ты молъ насъ знай, захотимъ,— помилуемъ, —что тебѣ Биконсфильдъ! Въ добавокъ греки и болгаре и даже сербы и болгаре размежеваны такъ, чтобы между ними никогда не было ладу, и чтобы они вѣчно нуждались въ посредничествѣ «старшаго брата.» И тутъ же чуть не въ каждомъ

параграфѣ находимъ по реверансу «Европѣ», «великимъ державамъ» и особенно любезной Австро-Венгріи. За то, чтобы сорвать на комъ нибудь это униженіе, великій побѣдитель накидывается на союзника, который, такъ или иначе, а былъ ему очень полезенъ, и грабитъ у него кусокъ земли, (въ которомъ народъ — румуны или болгаре, а русскихъ горсть) кусокъ, отъ коего Россія не розбагатѣетъ, а честь свою утрачиваетъ. Въ довершеніе наша дипломатія только и заявила настойчивость въ этомъ пунктѣ — въ дѣлѣ насилія надъ слабѣйшимъ союзникомъ. Все другое она готова передѣлать по приказу «великихъ державъ,» и даже по просьбѣ Турціи, и признаетъ договоръ прелиминаріей прелиминаріи! Вещь неслыханная и явно безтолковая, хотя будто бы тонко задуманная: дескать, пожалуйте, господа, поторгуемся, — кто больше дастъ, тому и больше отрѣжу. —Чего отрѣжу? — болгарскаго, да сербскаго, да греческаго мяса!

Мудрено ли, что подобный договоръ не удовлетворилъ никого, — и всего меньше под-турецкіе народы, — которыхъ мнѣнія

о ихъ судьбѣ великодушный освободитель не спросилъ даже и для приличія. Онъ призналъ ихъ «не достойными о себѣ совѣтовати,» какъ нѣкогда, во время Богдана Хмельницкаго, малороссовъ, имѣвшихъ наивность положиться «на царя восточнаго, православнаго.» «Освобожденные народы» не знали и того, какъ имъ быть, не исключая и болгаръ, которымъ посулили неожиданно золотыя горы, — и тутъ же сказали, что впрочемъ можетъ быть изъ нихъ еще и урѣжутъ что. Нужно себѣ представить положеніе болгарина Игнатьевской Болгаріи, гдѣ нибудь въ Румеліи или Македоніи, который по истинѣ не могъ знать, «ложиться ли ему спать, или вставать,» чтобъ оцѣнить всю нелѣпость С.Стефанскаго договора. Европейскія биржи сразу сложили ему цѣну, спустивши русскій рубль съ 272 сантимовъ, до которыхъ онъ было поднялся во время Адріанопольскихъ переговоровъ, на 218! Договоръ этотъ стоилъ русскому войску и финансамъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ни войны, ни мира, среди которыхъ Турція оправилась, Англія заняла важные пункты, Румынія приняла явно враждебное положеніе, вспыхнуло воз-

станіе мусульманъ, Австрія стала показывать зубы.

Никакія увертки Игнатьева не помогали.

Тогда то выступилъ на сцену бывшій начальникъ шпіоновъ, гр. Шуваловъ, и уладилъ Берлинскій трактатъ, какъ улаживаетъ III Отдѣленіе разводы великосвѣтскихъ супруговъ: ни сюда,—ни туда!

Мы полагаемъ нѣтъ надобности долго разбирать этотъ трактатъ, которымъ сербы окончательно разрублены на три части, а Герцеговина и Боснія, начавшіе дѣло, и, вытерпѣвшіе столько бѣдъ, преданы во власть австрійской бюрократіи, Болгаре разбитына четыре части, изъ которыхъ одна (въ Добруджѣ) отдана румунамъ, другая (Восточная Румелія) возвращена туркамъ, третяя (Македонія)—всякаго рода башибузукамъ и озлобленнымъ мусульманскимъ бѣглецамъ, которыхъ турецкое правительство, конечно, не замедлитъ тамъ поселить. Это раздѣленіе открываетъ перспективу такой же деморализаціи сербовъ и болгаръ, какой подверглись украинцы, раздѣленные Андрусовскимъ миромъ 1667г. И въ довершеніе всего, — положеніе подъ

Константинополемъ осталось тоже, что и было!

Чтобы успокоить какъ нибудь справедливо возмущенное въ Россіи и во всей Славянщинѣ чувство, петербургское правительство, коего глава еще недавно призывалъ благословеніе божіе на «исполненіе святаго дѣла до конца,» — теперь напечатало въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» какое то бормотаніе, изъ котораго узнаешь, что молъ Берлинскій трактатъ — не конецъ дѣла, а только этапъ! Нечего сказать, — утѣшительно и для народовъ Россіи и для балканцевъ, которымъ этотъ этапъ стоилъ столько крови! Вѣдь, чего добраго, если бъ балканцы ждали только такого этапа, то предпочли бы сами какъ нибудь улаживаться съ Турціею. Теперь же ко всему прочему они попали подъ семь нянекъ европейскихъ комиссаровъ; добрая доля ихъ (Боснія и Герцеговина) попала подъ непосредственное иго нѣмецко-мадьярской бюрократіи и буржуазіи и не замедлитъ попасть въ руки еврейскихъ спекуляторовъ, отъ которыхъ не уйдутъ и обѣ полунезависимыя Болгаріи.

Вотъ плоды кровопролитія, которое на-

вѣрно сгубило до 1 мильона народу! Слова «Правительственнаго Вѣстника» о томъ, что дѣло не кончено, — предлагаютъ готовиться къ новымъ кровопролитіямъ, которыхъ исходъ заранѣе нельзя предсказать.

Какъ поправлять бѣду эту славянамъ,— объ этомъ мы говорили и поговоримъ еще съ славянами. По нашему мнѣнію, другого имъ средства нѣтъ, какъ образованіе всеславянской радикальной партіи, — безвѣроисповѣдной, демократической и федеральной, которая бы прекратила соперничество православныхъ и католиковъ, отбросила политиканство чешскихъ, словинскихъ, польскихъ феодаловъ, прекратила споры за земли поляковъ и русиновъ, чеховъ и словаковъ, сербовъ и хорватовъ, сербовъ и болгаръ и вошла въ тѣсную связь съ подобными ей партіями у неславянскихъ сосѣдей, — румуновъ, грековъ, албанцевъ, итальянцевъ, — и, если они того захотятъ, у нѣмцовъ и венгровъ. Но теперь мы говоримъ съ людьми, принадлежащими Россіи.

Послѣ всего случившагося врядъ ли возможно маломальски мыслящему и добросовѣстному человѣку спорить противъ

мнѣнія, выраженнаго нами еще передъ войною, — а именно, что путь къ уничтоженію господства турокъ константинопольскихъ лежитъ черезъ Петербургъ и состоитъ въ уничтоженіи господства «турокъ внутреннихъ» надъ Россіею. Да и независимо отъ какихъ нибудь «восточныхъ вопросовъ» теперь передъ Россіею стоятъ во весь ростъ внутреннiе вопросы, подчеркнутые всѣми тѣми ужасами, какіе обнаружила война даже передъ самыми близорукими глазами!

Вопросовъ этихъ много, — но первый изъ нихъ — это вопросъ *политической свободы*, т. е. *вопросъ устраненія господства чиновниковъ* и *жандармовъ, прикрываемаго мантіей самодержавія*. Въ брошюрѣ «Внутреннее рабство и война за освобожденіе» мы указали тотъ *minimum*, меньше котораго не можетъ потребовать образованное общество, которое не желаетъ своего нравственнаго и матеріальнаго банкротства. Это:

1. Неприкосновенность лица и жилища для полиціи.

2. Неприкосновенность національностей въ частной и публичной жизни.

3. Свобода и равноправіе всѣхъ вѣроисповѣданій.

4. Свобода печати, обученія, сходокъ и обществъ.

5. Самоуправленіе общинъ, земствъ и областей.

6. Земскій соборъ и отвѣтственность передъ нимъ и судомъ всѣхъ чиновниковъ.

7. Пересмотръ всего соціально-экономическаго положенія народныхъ массъ.

8. Полная амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ.

Является вопросъ о средствахъ, какими можетъ быть достигнутъ и этотъ минимумъ. Средствъ этихъ много, начиная отъ высказыванія мнѣній въ печати, отъ подачи заявленій сословіями и выборными учрежденіями и оканчивая открытымъ сопротивленіемъ деспотизму и открытымъ на него нападеніемъ. «Могій вмѣстити— да вмѣститъ!» Но не слѣдуетъ забывать словъ Наливайки у Рылѣева:

Но гдѣ жъ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода!

Теперь мы поговоримъ объ одной изъ общественныхъ силъ, которая можетъ послужить дѣлу свободы въ Россіи и сбе-

речь много жертвъ. Безъ этой силы, судя по тому что мы видѣли до сихъ поръ, кризисъ, въ которомъ погибнетъ самодержавіе въ Россіи, будетъ дологъ и мучителенъ. Эта сила — армія.

Армія эта перенесла на себѣ недавно въ сгущенномъ видѣ дѣйствіе всѣхъ прелестей теперешняго управленія Россіи. Не ужели же она не пойметъ, гдѣ корень ихъ, или забудетъ пережитое?! Кромѣ того, не ужели же на нее не подѣйствуетъ противуположность между тѣмъ, зачѣмъ она шла за Прутъ, и тѣмъ, что ей довелось тамъ сдѣлать и особенно тѣмъ, что ей придется видѣть и дѣлать въ Россіи?

Положеніе арміи, участвовавшей въ теперешней войнѣ, очень похоже на то, въ какомъ была армія Россіи по возвращеніи изъ Германіи и Франціи послѣ наполеоновскихъ войнъ 1813 — 1815 г.г. Тогда она ходила «освобождать народы отъ всемірнаго тирана»—и увидѣла благосостояніе, просвѣщеніе и свободу большія, чѣмъ въ Россіи. Теперь, къ стыду нашему, тоже самое почти увидѣла наша армія у народовъ, которыхъ она пришла освобождать отъ «азіатскаго де-

спота и варвара.» Воротившись послѣ 1815 г. въ Россію изъ «войны за освобожденіе,» (Befreiungskrieg) армія Россіи увидѣла у себя дома раззореніе народа, крѣпостное право, ханжество, аракчеевщину.

Теперь наша армія увидитъ голодъ крестьянскій, недоимки, рабство народа у кулаковъ и ростовщиковъ, казнокрадство, іезуитовъ въ школахъ и—царство будочниковъ и шпіоновъ, причисленныхъ новымъ указомъ о военномъ судѣ надъ политическими преступниками къ числу членовъ императорской фамиліи! Героямъ Шипки придется, быть можетъ, на другой день прибытія на родину, производить «сѣкуцію» надъ чигиринскими крестьянами, а мученикамъ перехода черезъ Балканы придется, быть можетъ, разгонять стачку рабочихъ на фабрикѣ какого нибудь агента Когена или Варшавскаго, который разжился на счетъ ихъ желудка и спины во время войны. Офицеру, уцѣлѣвшему при страшной атакѣ на Плевну, придется стрѣлять на улицѣ въ свою сестру во время манифестаціи, вызванной негодованіемъ на жестокій судъ, или проходить церемоніальнымъ маршемъ по мо-

гилѣ брата, растрѣляннаго за сопротивленіе беззаконнѣйшей и жесточайшей въ мірѣ тайной полиціи!

Ужасное нравственное положеніе!

Между героями противу-наполеоновскихъ войнъ нашлись люди, которые не могли вынести этого положенія. Они составили политическія общества, имѣвшія цѣлью измѣненіе политическаго строя Россіи и освобожденіе крестьянъ. Согершенно тоже, съ отличіями сообразно теперешнимъ обстоятельствамъ, должно произойти въ арміи и теперь, если только въ ней не перевелись люди сердца и мысли. «Союзы благоденствія,» «Общества соединенныхъ славянъ» и т. п. — прямыя дѣйствія къ установленію политической свободы въ Россіи и облегченію соціально-экономическаго положенія массъ народа, —вотъ въ чемъ должны проявиться это сердце и эта мысль у людей изъ нашей арміи, пережившихъ ужасы послѣдней войны. Теперь же больше надежды на успѣхъ, чѣмъ въ 1815—1825 г.г. Теперь будутъ дѣйствовать не одни дворяне, не одни офицеры.

Сама по себѣ армія нигдѣ не можетъ

установить даже политической свободы, не говоря уже о соціальныхъ реформахъ. Но нигдѣ перемѣна правленія не возможна безъ ея сочувствія. Въ Россіи же только одна армія, столь долго служившая опорою порабощенія народа, можетъ помочь болѣе скорому паденію деспотизма. Конечно, деспотизмъ этотъ падетъ рано или поздно, и то, что мы видимъ въ послѣдніе годы, ясно показываетъ, что рѣшительный кризисъ уже начался. Но кризисъ этотъ можетъ тянуться и годы и стоить многихъ жертвъ. Отъ честныхъ и мыслящихъ людей изъ арміи зависитъ ускорить и облегчить исходъ его въ интересахъ свободы народовъ, образъ которой носился же, конечно, передъ ихъ воображеніемъ въ трудныя минуты послѣдней войны!...

М. Драгомановъ.

ЖЕНЕВА.
7 сентября 1878 г.

КНИЖКИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Ukraïno. Movimento literario ruteno in Russia e Gallizia. Firence 1873. 1 fr.

Украінець. Література россійска, великорусска, украинсла, и галицка. Львів. 1873—74.

Галицько-руське письменство. Львів. 1876. Ц 12 кр. австр.

По вопросу о Малорусской литературѣ. (Панславизмъ, панруссизмъ и панмалорусизмъ). Вѣна. 1876. Ц. 80 кр. австр.

Турки внутренніе и внѣшніе. Женева. 1876. Ц. 1 фр.

Внутреннее рабство и война за освобожденіе. Женева. 1877. Ц 1 фр.

Дѣтоубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ. Женщины процесса московск. соціалистовъ. Женева. 1877. Ц. 25 с.

Народні школи на Украйіні серед життъа і письменства в Россіїі. (З II Ч. «Громади»). Женева. Ц. 3 фр.

За что старика обидѣли и кто сго обижаетъ. Размишленіе по дѣлу Трепова. (Изъ »Общины» № 3 и 4). 1878. Ц. 50 с.

La literature Oukraïnienne. Genêve. 1878. 1 fr.

ЧЕРВЗЪ H. GEORG ВЪ ЖЕНЕВѢ И GRAEVE ВЪ БУКАРЕШТѢ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ:

«ГРОМАДА» украïнська збірка, впорьадкована М. Драгомановим.

Ч. I. Передне слово до Громади. Ц. 2 фр.
Ч. II. Звістки про Украïну 1876-77. Ц. 8 фр.
Ч. III. Лихі льуде. Повість. Ц. 2 фр.
Про богатство та бідність. Ц. 25 с.
Про те, як наша земля стала ненаша. Ц. 40 с.
Про хліборобство. Як де земля упорьадкована і як би слід їїїі держати. Ц. 80 с.
Реформы и раволюція Н. Жуковскаго. (Изъ Общины № 5).
Кобзарь Т Шевченка ч. I. Женева. 1878.
«ГРОМАДСЬКИЙ ДРУГ» місьачник літературниј і політичниј. Ред. М. Павлик Львів. Ч I і II 1878 р.
«ДЗВІН» галицько-украïнська збірка. Видав М. Павлик. Львів. 1878.
«ОБЩИНА» соціально-революціон. обозрѣніе. Женева. Съ января 1878.
Изъ-за рѣшетки. Сборникъ стихотвореній.
Сытые и голодные. (Очерки изъ исторіи пролетаріата).
Печатаjетьсьа: Пан-народольубець. Повість.

ТИПОГРАФІЯ «ГРОМАДЫ» ВЪ ЖЕНЕВѢ